

Ян Муянь, долгое время неподвижно стоявший за дверью, внезапно усмехнулся. Он перевел взгляд на Яоцзи, которая изо всех сил старалась сохранять на лице подобие улыбки, и произнес вкрадчиво:

— Яоцзи, знаешь ли ты, почему я в свое время принял Цинь Ваня в наше Учение? Почему так радушно встретил его и исполнял любую просьбу?

Яоцзи, дрожа от страха, пролепетала:

— Глава... верно, вы оценили его таланты и сочувствовали тому, что они не находят применения...

Ян Муянь не спеша направился к своим покоям.

— Отнюдь, — мягко отозвался он. — Просто он показался мне любопытным. Словно паук, я поймал добычу, которая даже не осознает своего положения. Он все еще отчаянно барахтается и надеется взлететь до небес. Согласись, наблюдать за этим куда интереснее, чем за подобострастием обычных рабов.

Яоцзи застыла в недоумении:

— Значит, вы совсем не цените его способности?

Ян Муянь остановился и обернулся.

— Сестрица Яо, ты видела, как я рос. Хоть ты и считаешься моей наложницей, это лишь формальность, я всегда относился к тебе с уважением. Все говорят, что я непостоянен в милости, но ты-то должна понимать мои помыслы лучше других. Неужели сейчас твое сердце склонилось в иную сторону?

Яоцзи на мгновение лишилась дара речи, а затем густо покраснела:

— Глава, я... я позволила себе лишнее.

Ян Муянь прищурился и покачал указательным пальцем.

— Талантливых людей полно. Но этот Цинь Вань не понимает главного: сил одного человека никогда не хватит, чтобы повернуть вспять ход вещей. Его ум — лишь малая хитрость, недостойная серьезных дел.

Яоцзи поспешила за господином.

— Но почему тогда вы так выделили Янь Нанью? Да, он мастер боевых искусств и искусный лекарь, но если он вам так приглянулся, вы могли бы просто забрать его силой...

— Ты его не знаешь, — рассмеялся Ян Муянь. — Янь Нанью благороден, но не догматичен. В нем нет великих амбиций стратега, зато он прекрасно чувствует ситуацию и умеет вовремя отступить. Настоящее сокровище. Принуждать такого человека — значит лишиться себя удовольствия. Куда забавнее завлечь его выгодой.

Яоцзи осторожно спросила:

— Неужели Глава... влюбился по-настоящему?

Ян Муянь бросил на нее странный взгляд:

— «По-настоящему» или нет — какая разница? Пока сердце здесь, это истина. Тот, кто хоть раз видел его нежную улыбку, не сможет остаться равнодушным.

Яоцзи хихикнула:

— Глава, это называется «в глазах влюбленного любой — красавец»!

Ян Муянь лишь улыбнулся, не считая нужным спорить. Немного помолчав, Яоцзи снова не удержалась от вопроса:

— С Янь Нанью всегда ходит этот Янь Цин. Что Глава думает о нем?

Ян Муянь на мгновение помрачнел.

— Янь Цин ослепительно одарен. Истинный гений, расчетливый и беспощадный. Из него вышел бы великий владыка земель, кабы не привязанность к Янь Нанью. Это чувство выжигает в нем амбиции, губит его потенциал. Столкнись мы с ним в открытую — еще неизвестно, кто бы вышел победителем...

— Но этот Янь Цин... он же просто безумец? — изумилась Яоцзи.

Ян Муянь тихо рассмеялся:

— Безумцы всегда считают себя нормальными. А нормальные люди... кто знает, что творится в их головах на самом деле?

Голоса за дверью постепенно затихли, но Те Сюань не слышал ни слова. Как только он обнаружил, что у него носом пошла кровь, он в ужасе выскочил из-за полога и замер у кровати, задрвав голову и жадно хватая ртом воздух.

Он хотел бежать. Хотел догнать Ян Муяня и потребовать объяснений, что тот сотворил с Цинь Ванем. Но ноги словно налились свинцом и не слушались.

Шорохи на кровати, поначалу едва различимые, становились все громче. Кровь удалось остановить, но Те Сюань пылал. Хотя он и был «девственником», инстинкты безошибочно подсказывали ему: в бессознательных стогах Цинь Ваня звучит не только боль, но и невыносимое томление.

Природа создала живых существ с потребностью в паре, и это влечение передается тысячью способов: голосом, запахом, движениями. Те Сюань чувствовал, как его тело, только начавшее остывать, вновь охватывает жар. Какая-то часть его существа, обладая собственной волей, пробудилась и требовала своего. Он стоял, напряженный до боли, и в памяти некстати всплыли события в городке Лазурного Омута.

В мире все упорядочено: инь и ян, союз мужчины и женщины. Но иногда случается то, что выходит за рамки привычных правил, и у этого тоже есть своя причина. Те Сюань не разбирался в тонкостях философии, но смутно ощущал: его чувства не были греховными, просто они были иными.

К тому же он помнил пример Янь Нанью и Янь Цина. Двое мужчин, чья близость казалась естественной. Хотя Янь Цин порой и вел себя как капризный ребенок, Те Сюань видел в их отношениях искреннюю нежность. Любовь всегда найдет способ подарить обоим радость.

От одной мысли об этом Те Сюаня прошиб пот. Кровь прилила к низу живота, отозвавшись тупой болью. Закрыв глаза, он тяжело выдохнул. Нужно было уходить, немедленно. Но стоило ему коснуться дверной ручки, как возня на кровати стала неистовой. Цинь Вань метался по простыням, а его глухие стоны перешли в хриплые вскрики.

Очевидно, он не просто спал — ему дали какое-то жуткое снадобье. Те Сюань, терзаемый сомнениями, не выдержал. Стиснув зубы, он вернулся к постели.

Тяжелый полог был откинут и закреплен, и из глубины кровати мгновенно вырвалась волна приторно-сладкого аромата. Цинь Вань, почуяв прохладу, перестал метаться. Он пополз к Те Сюаню.

Алое одеяние полусброшено, шелк едва держится на плечах. Длинные черные волосы рассыпались по спине, скрывая часть тела, но эта преграда лишь разжигала воображение. Сейчас в Цинь Ване не осталось привычной колючести и язвительности; он казался каким-то демоническим духом, вышедшим из лесной чащи.

Те Сюань замер как вкопанный. Прежде чем он успел опомниться, Цинь Вань вцепился в его одежду и с силой дернул на себя.

Потеряв равновесие, Те Сюань рухнул на ложе. Он попытался сопротивляться, но колено больно ударило о край кровати, и ноги на миг ослабли. К счастью, перины были мягкими — он просто утонул в них, не ударившись головой о доски.

Не успел он перевернуться, как ощутил на своей спине чужую тяжесть.

Цинь Вань навалился сверху, одной рукой прижимая запястье Те Сюаня к постели, а другой надавив ему на затылок, не давая поднять головы.

Те Сюаню стало нечем дышать, сердце заколотилось в горле. Он отчаянно забился под этим гнетом — происходящее пугало его до глубины души. Однако Цинь Вань, занимая выгодную позицию, не давал ему перевернуться.

Дыхание Цинь Ваня стало рваным. Он лихорадочно терся о спину и поясницу Те Сюаня, словно ища выход для скопившегося внутри жара, но не находя пути.

Те Сюань чувствовал, как его собственное тело плавится, а силы тают. То ли постель была слишком мягкой, то ли жар любовника передавался ему, лишая воли.

— Цинь Вань... — наконец прохрипел он, собрав последние силы.

От этого окрика хватка Цинь Ваня на мгновение ослабла. Инстинктивно Те Сюань рванулся и перевернулся, и вот уже Цинь Вань оказался под ним, издав тихий, жалобный стон.

Те Сюань совершенно растерялся.

Вечер еще не наступил. Окна были закрыты, но горящие лампы позволяли ясно видеть все вокруг. Цинь Вань лежал, прищурившись. Его кожа блестела от пота, губы были приоткрыты, а грудь прерывисто вздымалась. Утонченная бледность лица в сочетании с лихорадочным румянцем на щеках сводила с ума.

Словно одержимый, Те Сюань дрожащими пальцами коснулся губ Цинь Ваня. Тот негромко выдохнул, и мягкая плоть поддалась под нажатием. Большой палец Те Сюаня невольно коснулся губов и влажного языка. В голове зашумело.

Эта мимолетная ласка вызвала у Цинь Ваня новый приступ безумия. Его дыхание стало тяжелым, он начал неистово извиваться под Те Сюанем. Тот ощущал всем телом, насколько твердым стал его возлюбленный. Волнение, смешанное с первобытным страхом, пронзило Те Сюаня от копчика до затылка. Весь позвоночник натянулся как струна.

Алое одеяние Цинь Ваня давно соскользнуло, лишь кое-где прилипнув к потной коже. То ли из-за лекарства, то ли из-за страсти, но даже его пот источал тот самый дурманящий аромат, пропитывая одежду Те Сюаня.

Те Сюаню казалось, что он тонет в раскаленной бездне. Это тягучее, липкое томление сводило с ума. Хотелось сорвать с себя мешающую одежду, вырваться на свободу... но остатки разума кричали, что это неправильно.

Цинь Вань страдал не меньше. Теперь он напоминал обезумевшего зверя. Глаза налились кровью. Он принялся лихорадочно рвать на нем куртку руками, которыми только что отталкивал Те Сюаня. Он постоянно сглатывал, мучаясь от жажды, и принялся исступленно сосать палец Те Сюаня, оказавшийся у него во рту.

Для бедного кузнеца это стало последней каплей. В голове словно что-то взорвалось, по телу пробежала мощная судорога, и поясница на миг стала ватной.

— Цинь Вань, приди в себя! Я... я приведу брата Яня, он поможет, он даст противоядие! — Те Сюань, обливаясь потом, пытался удержать чужие руки и воззвать к рассудку друга.

Всю свою жизнь он потратил на ремесло, вкладывая силу в удары молота. Он и представить не мог, что существует чувство, способное одновременно швырнуть в ад и вознести к небесам. Жар стал невыносимым, в ушах звенело, весь мир сузился до бешеного стука двух сердец. Слабость в пояснице еще не прошла, но душа требовала большего, не зная, как это получить.

Желание накатывало волнами, пока в висках не запульсировала легкая боль. Те Сюань на несколько мгновений впал в забытие, а когда очнулся, обнаружил, что бессильно лежит на груди Цинь Ваня.

Они сплелись в клубок, и Те Сюань не заметил, как зацепленный полог сорвался и закрыл кровать, отделяя их от всего мира. Свет свечей пробивался сквозь ткань, окрашивая все внутри в кроваво-красные тона.

Сладкий аромат стал удушающим. Те Сюань с ужасом понял, что Цинь Вань окончательно лишился рассудка. В его взгляде остались лишь жестокость и холод. Они смотрели друг другу в глаза, но Цинь Вань словно не узнавал его — он просто злобно и грубо терзал остатки его одежды.

— Цинь Вань! — Те Сюань был в оцепенении. Что же за яд дал ему Ян Муянь?

Но Цинь Ваню было плевать. Сейчас для него не существовало ни людей, ни зверей — лишь способ утолить сжигающий его голод.

Те Сюань вскрикнул и закинул голову: его грубо поцеловали. В этом поцелуе не было ни капли

нежности, лишь яростный напор изголодавшегося хищника. Дышать стало почти невозможно, перед глазами все поплыло. Силы покинули Те Сюаня, а прикосновение к обнаженной, горячей коже заставляло волосы на теле вставать дыбом.

Самое страшное случилось, когда Те Сюань, находясь в полубморочном состоянии, почувствовал, как Цинь Вань вклинился между его бедер и резко согнул его ноги...

Те Сюань в ужасе замер. Чем больше он дергался, тем беззащитнее становился. Его внутренняя сила, обычно такая надежная, сейчас предательски иссякла. Хватка Цинь Ваня была такой мощной, что, казалось, кости вот-вот хрустнут. Любая попытка сопротивления подавлялась с беспощадной жестокостью.

В тот миг, когда Те Сюань окончательно впал в отчаяние, Цинь Вань нашел единственное лекарство от своей муки.

Лицо Те Сюаня мгновенно побелело. Последняя искра той робкой, туманной нежности, что он питал к Цинь Ваню, была безжалостно растоптана. Ему казалось, что его раскалывают надвое, словно полено, и в глазах его застыла кровавая пелена.

<http://bllate.org/book/17419/1659697>